

DOI 10.26105/SSPU.2023.87.6.018
УДК 342.518:94(470/571)"1731/1741"
ББК 63.3(2)5-33

А.В. ФАИЗОВ

**ХРОНИКА ИСТОРИИ КАБИНЕТА
МИНИСТРОВ ПРИ РАЗНЫХ «СОСТАВАХ»
(1731–1741)**

A.V. FAIZOV

**CHRONICLE OF THE HISTORY
OF THE CABINET OF MINISTERS UNDER
DIFFERENT «COMPOSITIONS» (1731–1741)**

Анализируется проблема состава Кабинета министров с недостаточно изученного ракурса субъективного влияния членов на развитие высшего органа власти. В ходе исследования предпринимается своеобразный эксперимент по формированию совокупной хроники истории Кабинета и ее периодизации по этапам деятельности разных министерских «составов», целью которого является поиск признаков неочевидных взаимосвязей между персональными переменами в «присутствии» и процессом структурно-функциональной эволюции высшего органа. При этом выяснилось, что среди факторов, обусловивших однонаправленный рост Кабинета, были как элементы статики (стабильное ядро состава, обеспечивавшее преемственность), так и динамики (спорадическое включение новых лиц, благодаря или вопреки воле которых в устройство учреждения проникали элементы новизны). Сделаны также заключения о том, на каком этапе наиболее часто издавались постановления о компетенции данного органа; а также каким путем внедрялись в жизнь новые способы и формы его деятельности. Изыскания, осуществленные в работе, позволили более определенно поставить заявленную проблему, причем полученные результаты вызывают новые вопросы, которые могут стать отправными точками дальнейшего изучения темы.

The article analyzes the problem of the composition of the Cabinet of Ministers from an insufficiently studied perspective of the subjective influence of members on the development of the highest state body. In the course of the study, the author undertakes an analytical experiment on the formation of a cumulative chronicle of the history of the Cabinet and its periodization according to the criterion of changing ministerial «compositions». The purpose of this experiment is to search for signs of non-obvious relationships between personal changes in the «presence» and the processes of transformation of the structural and functional appearance of the institution of higher authority. As a result of the study, it turned out that among the factors evolution of the Cabinet, from the point of view of the personal component, both elements of statics (a stable core of the composition that ensured continuity) and dynamics (the sporadic inclusion of new persons, when elements of novelty penetrated in forms of functioning of the institution, thanks to or against their will). On the basis of the presented factual overview of the history of the Cabinet, the researcher makes a conclusion about the stage at which the most numerous decrees related to the competence of this body were issued, as well as to determine the path for introducing new methods and forms of its activity. At the same time, the research carried out made it possible to pose the scientific problem more clearly, and the findings obtained in work raise new questions that can become starting points for further investigation of the topic.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Кабинет министров, высший орган власти, состав, министр, полномочия, организация, делопроизводство, Остерман, Черкасский, Волынский

KEY WORDS: Imperial cabinet of ministers, the highest state body, cabinet composition, minister, powers, organization, office documentations, Osterman, Cherkassky, Volynsky

ВВЕДЕНИЕ. Императорский Кабинет министров как орган государственной власти специфичен тем, что являлся одновременно и личным секретариатом монархии, и общеимперским правительственным институтом. Другая важнейшая особенность в том, что его функционирование было законосообразно, ибо основывалось на именных указах монархии; но универсальность сферы его ведения, соответствовавшей административным функциям самодержца, не позволяла сформулировать четкое законодательное определение кабинетской компетенции и юридически конституировать его статус по отношению к другим госструктурам.

Деятельность аннинского Кабинета Е. И. В. с давних пор вызывает интерес ученых: она затрагивалась в работах по истории государственных учреждений, общеисторических, научно-биографических и других трудах [2; 7; 8; 9; 11; 12; 13; 16; 18; 24; 32]. Однако число специальных исследований по истории этого института является незначительным [4; 21; 25; 26; 28; 29; 30; 31], вследствие чего задействованный в науке источниковый материал проанализирован не в полной мере, а полученные в историографии заключения нуждаются в уточнениях и обобщениях. Так, даже в специальной литературе основное внимание традиционно уделяется общему значению Кабинета во властной системе, его компетенции и полномочиям, а также «ущемлению» им прерогатив Сената; тогда как особенности его структурной организации, делопроизводственной документации или субъективного влияния его членов на эволюцию госоргана затрагиваются в значительно меньшей степени.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В данной статье предпринимается своего рода аналитический эксперимент: путем формирования краткой, но совокупной хроники истории Кабинета (включая характеристику таких сторон функционирования как полномочия и компетенция, организация и делопроизводство) и осуществления ее первичной, эмпирической периодизации по этапам деятельности разных «составов» попытаться выявить признаки скрытых взаимосвязей между персональными рокировками в «присутствии» и перипетиями структурно-функционального развития госоргана (в 1731–1741 гг.). **ЦЕЛЬ** — рассмотреть внутреннюю, фактографическую историю учреждения, которая сознательно не выписана в «широкий контекст», а периоды не подвергнуты теоретической генерализации. Термин «составы Кабинета», звучащий непривычно для высшего органа России XVIII в., используется как логический инструмент для упорядочивания фактического материала. Автор сознает гипотетичность и дискуссионность периодизации по кабинетским «составам»: меры, осуществленные при одном «составе», могли быть подготовлены прежним «составом», могли являться следствием высочайшей воли, сторонних влияний, объективной необходимости и других факторов.

Прежде чем приступить к рассмотрению основных вех истории функционирования Кабинета министров, назовем сановников, которым довелось присутствовать в его составе:

- 1) А.И. Остерман ((18 октября) 10 ноября 1731 г. — 25 ноября 1741 г.) (после упразднения Кабинета при Елизавете Петровне был арестован и сослан);
- 2) А.М. Черкасский ((18 октября) 10 ноября 1731 г. — 25 ноября 1741 г.) (после ликвидации учреждения назначен на другую должность, сохранил положение при императрице Елизавете);
- 3) Г.И. Головкин ((18 октября) 10 ноября 1731 г. — 20 января 1734 г.) (скончался на своем посту);
- 4) П.И. Ягужинский (28 апреля 1735 г. — 6 апреля 1736 г.) (скончался на своем посту);
- 5) А.П. Волынский (3 апреля 1738 г. — 12 апреля 1740 г.) (арестован, затем казнен при Анне Ивановне);

- б) А.П. Бестужев-Рюмин (18 августа 1740 г.— 9 ноября 1740 г.) (после свержения регента Э.И. Бирона, при правительнице Анне Леопольдовне арестован, сослан в деревню, затем возвращен в Петербург; при Елизавете Петровне будет очень влиятелен);
- 7) Б.Х. Миних (9 ноября 1740 г.— 3 марта 1741 г.) (добровольная отставка при Анне Леопольдовне, ссылка при императрице Елизавете);
- 8) М.Г. Головкин (9 ноября 1740 г.— 25 ноября 1741 г.) (после упразднения Кабинета при Елизавете Петровне был арестован и сослан).

Перечисленные деятели, условно говоря, образовали девять сменявших друг друга «составов» данного высшего органа. Основные события его развития при каждом «составе» представлены ниже. Фактологическую характеристику некоторых из обозначенных периодов при необходимости будем предварять вступительными замечаниями касательно фактического присутствия членов на рабочем месте.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.

Состав первый (ноябрь 1731 — январь 1734 г.):

А.И. Остерман, А.М. Черкасский, Г.И. Головкин.

(В период деятельности Кабинета при первом «составе» в нем работали, как правило, только два министра: Остерман и Черкасский. Г.И. Головкин, которому было более 70-ти лет, обычно заседания не посещал. Дни, когда он находился в «присутствии», в журналах фиксировались особо. За ноябрь — декабрь 1731 г. Г.И. Головкин не был там ни разу, в 1732 г. он посетил Кабинет 14 раз (с 8 января по 15 июля 1732 г. [5, т. 1, с. 135, 340] отсутствовал вследствие того, что после переезда в Петербург императрицы, двора и правительственных учреждений он оставался в Москве); в 1733 г. — присутствовал в «министерской» комнате 36 раз [5, т. 1–2], в последний раз — 4 ноября 1733 г., 20 января 1734 г. Г.И. Головкин скончался [3, с. 128; 27, с. 36; 33, с. 407]. В литературе фигурируют и другие даты его смерти: декабрь 1734 г. [25, ч. 1, с. 128], 26 января 1734 г. [15, с. 583], а в Интернет-справочниках — 25 июля 1734 г. Многие исследователи, будто избегая называть точное число, пишут, что Ягужинский станет министром «после смерти Головкина в 1734 г.» [12, с. 227; 16, с. 152; 17, с. 142; 24, с. 463; 30, с. 16]. Или, например, Е.В. Анисимов использовал следующую формулировку: «после смерти Головкина в январе 1734 г.» [2, с. 279]).

Кабинет Ея Императорского Величества был легализован сначала как монарший секретариат «для порядочного отправления всех Государственных дел, которые к собственному Нашему определению и решению подлежат», указами от 18 октября, 6 и 10 ноября [5, т. 1, с. 1–2, 6; 19, т. 8, № 5871], затем было положено начало его первичной организации: назначены часовые, сторожа, два «ездовых сержанта», для обеспечения его работы была выделена сначала небольшая сумма, определены делопроизводители, установлены правила внутреннего письмоводства. Наряду с практикой устных приказов в подчиненные госучреждения, передаваемые через их служителей (что применялось до упразднения высшего органа), в госструктуры и должностным лицам стали рассылаться «записки» с приказами министров. Еженедельные сенатские доклады императрице о делах прекратились. В Кабинете аккумулярованы основные действующие указы и регламенты, копии высочайших резолюций, а также ведомости о приходе и расходе денежных средств [5, т. 1, с. 5, 6–8]. Сенат, Синод, коллегии и канцелярии стали подавать в Кабинет ежемесячные репорты сначала о нерешенных челобитчиковых делах, а затем также ежемесячные репорты о решенных и нерешенных государственных делах [5, т. 1, с. 106]. Кабинет получал ведомости о числе душ, «внесенных и невнесенных в перепись», о раскладке подушной подати, о сборах с петербургских «обывателей», о взыскании «доимок», о «счислении государственных доходов и расходов», о разработке окладной книги. С декабря 1731 г. в новый орган стали поступать донесения, адресованные императрице или Кабинету (хотя они подписывались самой самодержицей по 1734 г. включительно). Еще во время негласного функционирования будущего высшего

органа под его контроль была поставлена Соляная контора (август 1731 г.) [19, т. 8, № 5827]. Далее в его подчинение были переданы Медицинская канцелярия и контрольные органы: Счетная, Провиантская и Кригс-комиссариатская комиссии, а затем также — Доимочный приказ и Главная полицмейстерская канцелярия [5, т. 1, с. 164, 367; 19, т. 8, № 5958, 6155, т. 9, № 6412, 6529]. Кроме того, Кабинет принял на себя функцию смотра недорослей и оставших офицеров, одно время взял на себя трудновыполнимую обязанность проводить также смотры всех назначаемых Сенатом воевод и секретарей. С 1732 г. Кабинет стал отправлять другим госструктурам «письма именным указом» (по 1736 г.), одновременно также рассылались письма распорядительные и информационные. В 1733–1734 гг. использовалась переходная документальная форма «предложений», которые адресовались Сенату, Синоду и центральным органам. С сентября 1733 г. министры уже позволяли себе подписывать от имени императрицы высочайшие рескрипты генералам. Между тем в Кабинет стекались самые разные дела, его предписания направлялись в высшие, центральные и даже напрямую в местные органы власти и управления. Он участвовал в подготовке законопроектов, назначал следственные комиссии, сам вел следствие и вершил суд.

Таким образом, в период деятельности первого «состава» Кабинет формировался как управленческий институт: под влиянием практических потребностей, связанных с обслуживанием высочайшего участия в управлении, складывалось первоначальное его структурное устройство и определялось проблемное поле его компетенции; рядом разрозненных именных указов были закреплены его контрольные функции, наметились значительный рост полномочий и возможности для самостоятельного санкционирования монарших постановлений.

Состав второй (январь 1734 — апрель 1735 г.):

А. И. Остерман, А. М. Черкасский.

С 1734 г. в кабинетской делопроизводственной документации появилась форма «сообщений» в Сенат (эта форма оказалась удачной и применялась до упразднения высшего органа), реже — в Синод, коллегии и канцелярии; одновременно Кабинет начинает рассылать «указы» в центральные и местные учреждения. Стали практиковаться — в последующие годы будут регулярными — «объявления» через высший орган высочайших повелений (устных указов императрицы). С февраля 1734 г. министры иногда утверждали уже собственно именные указы. Следовательно, на данном этапе влияние Кабинета росло подспудно, явочным путем.

Состав третий (апрель 1735 г. — апрель 1736 г.):

А. И. Остерман, А. М. Черкасский, П. И. Ягужинский.

(Здоровье Ягужинского было расшатано «кутежами и всякими излишествами». По данным «Русского биографического словаря», «В январе 1736 г. Ягужинский заболел лихорадкой, которая осложнилась приступами подагры. К марту болезнь приняла угрожающий характер, и 6-го апреля Ягужинского не стало» [20, т. 25, с. 23]. Между тем в делопроизводстве Кабинета отразилось, что он, вместе с другими министрами, подписывал кабинетские «сообщения», резолюции и указы в январе, феврале и марте 1736 г., в последний раз — 27 марта [5, т. 5, с. 137].)

На этом этапе Тайная канцелярия была выведена из-под контроля Сената, ибо ее начальник А. И. Ушаков получал «по большей части» изустные и секретные именные указы; причем по рядовым следственным делам она стала отчитываться перед Кабинетом [19, т. 9, № 6753]. Кабинет-секретарем стал «клиент» министра Остермана. 9 июня 1735 г. издан рубежный указ, приравнявший подписи трех министров к императорской [19, т. 9, № 6745]. Со второй половины 1735 г. появились (и затем применялись все чаще) резолюции ми-

нистров на доношениях, челобитных, адресованных императрице или непосредственно в Кабинет. Доля подписей министров под такими документами быстро стала преобладать, по сравнению с долей бумаг, подписанных монархиней. Для ведения дипломатического делопроизводства при Кабинете были образованы новые должности двух «советников канцелярии», которые прежде действовали лишь при Коллегии иностранных дел. 31 июля 1735 г. министрам дан рескрипт императрицы, чтобы они не утруждали государыню «малыми делами» и представляли ей только «важные» [5, т. 4, с. 291]. С 1736 г. во входящих бумагах Кабинета появились отчеты Сената в форме «сообщений» с различными заключительными формулировками: запросы о письменном согласии министров на предложенные решения или уведомления о сделанных сенаторами распоряжениях.

Итак, именно в период деятельности третьего «состава» Кабинета произошло издание указа о трех подписях, который формально закрепил за Кабинетом роль высшей государственной структуры, имевшей право заменять самодержицу в управлении и выступать субъектом в выработке политического курса; кроме того, по рядовым делам ему был подчинен секретный орган политического сыска; а Сенат признал его иерархическое главенство на уровне делопроизводства.

Состав четвертый (апрель 1736 г. — апрель 1738 г.):

А.И. Остерман, А.М. Черкасский.

В это время состоялся приказ Кабинета Сенату, чтобы последний разослал указы командующим с предписанием отмечать в донесениях суммы «прогонных денег», выданных курьерам, что обещалось фиксировать и в кабинетской документации. В декабре 1736 г. «для поспешнейшего произведения в делах» императрица утвердила штат канцелярии высшего органа (1 кабинет-секретарь, 1 камерир, 2 канцеляриста, 3 копииста, 10 кабинет-курьеров) [5, т. 5, с. 647–648; 19, т. 9, № 7137, т. 44. ч. 2, с. 36]. Между тем министры стали получать репорты о ценах на хлеб во всех российских городах. В распоряжениях Кабинета начинает чаще повторяться требование к госструктурам подавать в него доношения «со мнением, а не без мнений» [5, т. 5, с. 637, т. 6, с. 156]. С 1737 г. в массиве поступающих в Кабинет сенатских «сообщений» проявилась новая заключительная формулировка (запрос об определяющей резолюции).

Следовательно, в период четвертого «состава» происходит доработка и уточнение принципов взаимодействия Кабинета с регулярными госструктурами, правовая фиксация сложившейся организации кабинетского аппарата, а также начало самоуничтожения сенаторами роли собственного учреждения.

Состав пятый (апрель 1738 — апрель 1740 гг.):

А.И. Остерман, А.М. Черкасский, А.П. Волынский.

(В 1738 г. в последний раз подпись Черкасского под указами и резолюциями значится 22 марта, среди бумаг за 24 марта упомянут его недавний доклад императрице [5, т. 7, с. 260–261, 264]. С 24 марта 1738 г. исходящие распоряжения Кабинета подписывал один Остерман [5, т. 7, с. 264, 273, 274, 275, 278 и др.], после 4 апреля 1738 г. [5, т. 7, с. 284] их стал также закреплять Волынский, и более 9-ти месяцев они проработали вдвоем. Черкасский в апреле 1738 г. пережил первый инсульт [20, т. 22, с. 191], после чего длительное время находился в Москве. Он вернулся в столицу 17 января 1739 г. и снова стал трудиться в Кабинете после 21 января 1739 г. [5, т. 9, с. 45]).

Новый член «присутствия» Волынский впервые был приведен к присяге и получил патент на звание министра. 11 июля 1738 г. он объявил указ императрицы, отъезжавшей на летний отдых «для своего увеселения и покоя»: все дела министрам решать самим, а в Петергоф доносить только о тех, которые они сочтут «самыми важными» [5, т. 8, с. 53–54]. В дека-

бре 1738 г. он же объявил «словесный» именной указ, где подтверждалось делегирование министрам права на самостоятельное рассмотрение государственных дел и устанавливалась процедура кабинетской контрасигнатуры документов, представляемых на подпись императрицы [5, т. 8, с. 463] (применялась с начала 1739 г., сошла на нет при правительнице Анне Леопольдовне, в 1741 г.) [5, т. 9, с. 23, 24, 59, 105, 114 и др.; 6, с. 132]. На данном этапе внутреннее делопроизводство однократно было дополнено реестром с выборкой из некоторых видов входящих бумаг. Кроме того, были официально закреплены способы переписки Кабинета с госорганами разного уровня («сообщениями» – с высшими органами, «указами» – с центральными и местными) [5, т. 9, с. 563]. Для кабинетской канцелярии установлен новый порядок подготовки документов к докладу. В сентябре 1739 г. было предписано распределить канцелярских служащих Кабинета и имеющуюся документацию между тремя экспедициями (иностранных, внутренних и секретных дел), чтобы «конфузии происходить не могли». Штат канцелярии Кабинета был скорректирован и расширен (2 кабинет-секретаря, 4 канцеляриста, 4 подканцеляриста, копиисты исключались) [5, т. 10, с. 296–297; 19, т. 10, № 7907]. Высший орган рассматривал прошения своих приказных о выделении им «квартирных денег» на аренду жилья. Предписано было не ставить постой на дворах у кабинет-курьеров. Кабинет потребовал от Сената предоставлять ему каждые две недели краткие сводные документы о «денежной казне», находившейся в распоряжении госорганов Петербурга и Москвы [19, т. 11, № 8027]. В 1740 г. среди «сообщений» Сената в Кабинет стали преобладающими те, в которых сенаторы запрашивали у министров готовые резолюции по делам. Соперничество министров Вольнского и Остермана отражалось на их ставленниках из кабинетского аппарата: отстранение одних «клиентов» и возвышение других (кабинет-секретарь А. Яковлев, тайный кабинет-секретарь И. Эйхлер, советник канцелярии К. Бреверн).

Таким образом, при пятом «составе» Кабинета императрица вновь подтвердила право высшего органа почти полностью подменять ее в управлении, введенная контрасигнатура должна была сократить число вопросов, требовавших внимания самодержицы; усилилась пассивность Сената в решении дел; были закреплены льготы представителей кабинетского аппарата; но главное – именно на этом этапе были проведены несколько относительно важных организационных мероприятий: реорганизованы кабинетская канцелярия и — частично — делопроизводство.

Состав шестой (апрель 1740 г. — август 1740 г.):

А. И. Остерман, А. М. Черкасский.

При шестом «составе» существенных изменений касательно властных полномочий, форм деятельности и внутренних подструктур Кабинета не наблюдалось. После удаления из высшего органа Вольнского можно отметить успехи служащих канцелярии, являвшихся креатурами Остермана.

Состав седьмой (август — ноябрь 1740 г.):

А. И. Остерман, А. М. Черкасский, А. П. Бестужев-Рюмин.

По временному отрезку, на который пришлось время работы данного состава, можно отметить лишь следующие факты, относящиеся к практике функционирования Кабинета. Так, 17 октября 1740 г. герцог Бирон стал регентом при младенце-императоре Иване VI, и высшему органу предстояло разделить с ним обязанности по управлению империей. Именные указы теперь стали утверждаться и министрами, и регентом [6, с. 132]. Важный прецедент того времени: «Его Высочество Регент» вместе с министрами Черкасским и Бестужевым-Рюминым приезжали в «присутствие» Сената, где «слушали» дела и «крепили» резолюции [22, т. 2, с. 43–44, 103–104].

Итак, в период седьмого «состава» наметились признаки будущих корректировок в работе Кабинета в связи со стремлением регента повысить авторитет Сената, что, впрочем, не успело реализоваться из-за скорого его низложения фельдмаршалом Минихом.

**Состав восьмой (ноябрь 1740 г. — март 1741 г.):
А.И. Остерман, А.М. Черкасский, М.Г. Головкин,
«первый министр» Б.Х. Миних.**

По указу Анны Леопольдовны для Миниха был составлен патент на чин «перваго министра», хотя особых преимуществ перед прочими членами он не получил. С ноября 1740 г. по март 1741 г. полковник А. Фенин (креатура Миниха) исполнял новую должность придворного рекетмейстера, временно разгрузив Кабинет от рассмотрения челобитных [14, № 8041, 8300; 19, т. 11, № 8293, 8345; 22, т. 3, с. 43–44]. В декабре 1740 г. (после указа Анны Леопольдовны против волокиты) Сенату и другим центральным органам было приказано еженедельно представлять в Кабинет рапорты о решенных делах [19, т. 11, № 8293, 8294, 8295, 8299]. Издан указ о так называемой департаментской реформе Кабинета, которая, при всей своей внешней рациональности [23], де-факто была направлена на ограничение влияния «первого министра» (и оказалась, в практическом воплощении, инструментом политической интриги, инициированной, вероятно, Остерманом): Миниху были поручены только дела военные, Остерману — иностранные и морские, Черкасскому и М.Г. Головкину — внутренние [19, т. 11, № 8326].

Следовательно, при восьмом «составе» была начата структурная реорганизация присутственной части Кабинета, сделаны попытки усилить контроль над исполнением других госучреждений, но заметных корректив в положении, полномочиях и порядке писмоводства высшего органа не наблюдалось.

**Состав девятый (март 1741 г. — ноябрь 1741 г.):
А.И. Остерман, А.М. Черкасский, М.Г. Головкин.**

После удаления из высшего органа Миниха перераспределения «департаментов» между министрами не произошло, «департаментская реформа» осталась на бумаге и не сказала существенным образом на повседневной работе учреждения. В это время градус противоборства внутри Кабинета стал ослабевать, он вернулся к отработанным формам функционирования. Между тем очевидным стал недостаток политической воли, как у правящей особы, так и у ее окружения. Наметились признаки правительственного кризиса. 25 ноября 1741 г. очередной переворот привел к власти Елизавету Петровну, и Кабинет министров де-факто прекратил действовать. 12 декабря 1741 г. указом новой императрицы рассматриваемый институт был упразднен де-юре [19, т. 11, № 8480].

При сопоставлении представленного фактического материала с кабинетской деятельностью членов учреждения, можно сформулировать следующие «персональные выводы». Несмотря на борьбу «партий», перемены в придворных влияниях, смену императоров или регентов, эволюция высшего органа была линейной и поступательной (в направлении расширения его компетенции, усиления полномочности, укрепления организации и выработки удобных и соответствовавших статусу делопроизводственных форм). Преимуществом, отсутствием значительных поворотов или попятных движений, помимо прочего, видимо, обеспечивались стабильностью основной части его состава. Из входивших в него трех или четырех министров два сохраняли свое место от создания и до ликвидации Кабинета (Остерман и Черкасский). Из этих двух министров один, хотя и негласно, являлся, безусловно, ведущим (Остерман), а второй (Черкасский) — обычно следовал его предначертаниям. Это кадровое ядро периодически дополнялось одной-двумя другими персоналиями; затем наступали периоды, когда они снова работали

в «присутствии» вдвоем, что способствовало закреплению достигнутого уровня развития перед новым поступательным движением.

Многие добавочные члены учреждения (Ягужинский, Волынский, Бестужев-Рюмин) попадали туда как представители Бирона, который придерживался тактики создания противовесов, и их задачей было не осуществление институционального переустройства высшего органа, а оппонирование Остерману в интересах фаворита императрицы при решении конкретных выгодных или невыгодных тому дел. Нельзя сказать, что они успешно справлялись с этим поручением Бирона. Ягужинский к моменту назначения в Кабинет был болен и не мог серьезно противодействовать вице-канцлеру. Волынский, хотя и вел такую борьбу, быстро отбил от рук временщика и затеял собственную игру. Министр Бестужев-Рюмин был самым верным слугой герцога, помог патрону получить регентство; но он десятилетиями жил за границей, плохо знал внутривластную ситуацию, а внешнюю политику в основном контролировал Остерман.

Оставшиеся два члена высшего органа, которые войдут в его состав после падения регента, тоже стремились конкурировать с Андреем Ивановичем, но без особого успеха. Честолюбивый «первый министр» Миних, который, свергнув Бирона, претендовал на верховенство в Кабинете, оказался недостаточно умелым политиком и интриганом, изначально сильно настораживал облагодетельствованную им правительницу Анну Леопольдовну [1, с. 119–121] и не сумел обеспечить себе устойчивое положение ни при дворе, ни в правительстве. М.Г. Головкин пробовал вмешиваться во внешнюю политику и добивался лидерской позиции; однако он «был младшим по возрасту и чину» [10, с. 114], не обладал весомым административным опытом и значительными дарованиями; и, хотя смог занять одно из первых мест при дворе молодой регентши, был не в состоянии соперничать с Остерманом в руководстве кабинетскими делами. На практике деятельность Ягужинского, Бестужева-Рюмина, Миниха и М.Г. Головкина не сказывалась существенным образом на повседневной работе Кабинета, которую контролировал и направлял Остерман, несмотря на то, что во второй половине 1730-х гг. он нередко занимался государственными делами, не выходя из дому.

Исключением в плане расстановки сил (борьба за лидерство внутри учреждения, снижение согласованности действий членов) был период министерской службы Волынского, который оказался самым значительным оппонентом Остермана. Попав в высший орган как проводник влияния Бирона, он почти сразу стал служить только собственным амбициям. К деятельному и инициативному коллеге временно присоединился пассивный Черкасский. Остерман, находившийся вследствие «подагры» дома, пытался и управлять, и бороться с серьезным противником через переписку, своих «шпионов» и другие рычаги и каналы влияния. В практике управления административная опытность и компетентность Остермана обычно одерживала верх, но последний начинал проигрывать Волынскому в плане влияния на императрицу, которой нравились его усилия как обер-егермейстера и докладчика о государственных делах. Можно предположить, что если бы Волынский не спешил открыто выступить против Бирона, и если бы его пребывание в Кабинете продлилось бы дольше, то в формах функционирования, а возможно и в государственном положении высшего органа, который тот подвергнул частичной реорганизации, произошли бы кардинальные изменения. Однако сохранению лидерства Остермана в Кабинете и определенного направления развития данного института, в итоге, содействовал сам Волынский, который пошел на столкновение с всемогущим фаворитом, наивно полагая отеснить его от кормила власти...

Следует отметить ограниченный адаптационный потенциал Кабинета министров как государственного учреждения. Его деятельность продолжалась более десятилетия, но по факту она оказалась возможна только в течение правления императрицы Анны и ее

наследника Ивана Антоновича, царствование которого по составу находившейся у власти элитарной группы (Остерман, Левенвольде, Минихи, Менгден, Головкины и др.) являлось эпигонским по отношению к аннинскому периоду. Этот госорган всегда ассоциировался современниками с его фактическим руководителем Остерманом, который считался тогда незаменимым управленцем, что обеспечивало государственному институту отмеченную стабильность в 1731–1741 гг., несмотря на столкновения придворных «партий». Однако после очередной дворцовой «революции» в ноябре 1741 г. и существенного обновления правящей элиты, сохранение Остермана у власти оказалось невозможным; что неизбежно привело к ликвидации Кабинета. Тем не менее, после управленческих реформ елизаветинского правительства в духе восстановления «петровских начал» сложившаяся ранее конфигурация государственных структур в своей основе не изменится. В ней по-прежнему будет присутствовать функциональная необходимость для высшего органа, который мог бы объединять и координировать деятельность госаппарата, используя, помимо прочего, неформальные практики взаимодействия с монархом. Не случайно подобные институты действовали и до, и после Кабинета министров, и не только в XVIII столетии...

ВЫВОДЫ. Подводя итог, отметим, что предпринятый в рамках статьи исследовательский опыт объединения основных фактов многоаспектной истории Кабинета в единой хронике и ее периодизации по «составам» позволил взглянуть на развитие госоргана под иным углом зрения и наметить отдельные моменты корреляции между сменой министров и структурно-функциональным обликом учреждения.

Характерно, что стабильное ядро состава в лице министров Остермана и Черкасского способствовало поддержанию преемственности и однонаправленности поступательной эволюции Кабинета. Вместе с тем, в периоды появления в высшем органе новых, дополнительных членов, некоторые из которых сами претендовали на лидерство и проведение преобразований, происходили изменения в способах его функционирования. Так, примечательно, что указ о трех подписях был издан, когда министром являлся Ягужинский; что организационно-делопроизводственная сторона Кабинета подверглась корректировке в период министерской работы Волынского; что реформирование «присутствия» Кабинета было начато, когда в его составе значился «первый министр» Миних. Кроме того, из совокупного очерка его истории (безотносительно к персональному «наполнению») следует, что наибольшее число частных именных указов, касавшихся сферы ведения данного правительственного института, имело место на начальном этапе; тогда как новые формы деятельности сначала применялись и закреплялись на практике и лишь затем подлежали формализации через распоряжения монархини, а не наоборот.

Полученные предварительные заключения вызывают новые проблемные вопросы и могут послужить отправными точками для дальнейшего изучения темы, для чего потребуются нестандартные аналитические подходы, поскольку в делопроизводстве коллегиального учреждения информация о субъективных ролях министров напрямую не отразилась.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов Е.В. Иван VI Антонович. М.: Молодая гвардия, 2008. 350 с.
2. Анисимов Е.В. Россия без Петра: 1725–1740. СПб.: Лениздат, 1994. 496 с.
3. Бантыш-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей русской земли: в 5 ч. Ч. 2. СПб.: тип. С. Селивановского, 1836. VI, 422 с.
4. Бондаренко В.Н. Очерки финансовой политики Кабинета Министров Анны Иоанновны. М.: печ. А. Снегиревой, 1913. 390 с.
5. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны: в 12 т. / Под ред. А.Н. Филиппова // Сборник императорского русского исторического общества. Т. 104, 106, 108, 111, 114, 117, 120, 124, 126, 130, 138, 146. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1898–1902, 1904–1907, 1909, 1912, 1915.

6. Внутренний быт Русского государства с 17 октября 1740 г. по 25 ноября 1741 г. по документам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 2. М.: Тип. Л.Ф. Снегирева, 1886. 432 с.
7. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая Школа, 1983. 352 с.
8. Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII в. М.: РГГУ, 1999. 575 с.
9. Корсаков Д.А. Артемий Петрович Волинский (Биографический очерк) // Древняя и Новая Россия. 1877. № 7. С. 214-234.
10. Курукин И.В. Анна Леопольдовна. М.: Молодая гвардия, 2012. 303 с.
11. Курукин И.В. Артемий Волинский. М.: Молодая гвардия, 2011. 411 с.
12. Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762. Рязань, 2003. 570 с.
13. Лысцова А.С. Внутриполитическая деятельность графа А.И. Остермана в 1730–1741 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2017. 180 с.
14. Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском сенатском архиве, за XVIII век / сост. П. Баранов. Т. 3. СПб.: Сенат. тип., 1878. 514 с.
15. Отечественная история: энциклопедия: в 5 т. / Редкол.: В.Л. Янин (гл. ред.) и др. Т. 1. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. 688 с.
16. Павленко Н.И. Анна Иоанновна (Немцы при дворе). М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2002. 384 с.
17. Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). М.: Политическая энциклопедия, 2014. 1063 с.
18. Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота 1730–1735 г. СПб.: Алетейя, 2001. 349 с.
19. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649–1825 гг.: в 45 т. / Под ред. М.М. Сперанского. Т. 8–11, 44. СПб.: Тип. II Отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1830.
20. Русский биографический словарь. Т. 22. / Под ред. А.А. Половцова. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1905. 642 с.; Т. 25. / Под ред. Имп. Рус. ист. общ-ва. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1913. 493 с.
21. Савельева Е.Н. Кабинет министров императрицы Анны Иоанновны: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 189 с.
22. Сенатский архив. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1889–1890. Т. 2. 647 с.; Т. 3. 621 с.
23. Соловьев К.А. Граф Миних о «пустоте» в государственном управлении России XVIII века // Государственная служба. 2021. Т. 23. № 1. С. 79–88.
24. Соловьев С.М. История России с древнейших времен: в 15 кн. / отв. ред. Л.В. Черепнин. Кн. X. Т. 19–20. М.: Соцэкгиз, 1963. 781 с.
25. Строев В.Н. Бироновщина и Кабинет министров. Ч. 1. М.: Тип. Императорского московского университета, 1909. 206 с.; Ч. 2. СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1910. 77 с.
26. Строев В.Н., Варыпаев П.И. Судьба Кабинета после кончины Петра Великого до воцарения императрицы Елисаветы // 200-летие Кабинета Его Императорского Величества. 1704–1904. СПб.: т-во Р. Голике и А. Вильберг, 1911. С. 271–308.
27. Терещенко А.В. Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами в России: в 3 ч. Ч. II. СПб.: тип. Рос. акад., 1837. 348 с.
28. Филиппов А.Н. А.П. Волинский, как кабинет-министр // Исторический вестник. 1901. № 5. С. 552–568.
29. Филиппов А.Н. Кабинет министров и его сравнение с Верховным тайным советом. Юрьев: тип. К. Матисена, 1898. 45 с.
30. Филиппов А.Н. Кабинет министров и Правительствующий Сенат в их взаимных отношениях // Сборник правоведения и общественных знаний. Т. 7. М.: тов-во тип. А.И. Мамонтова, 1897. С. 1–61

31. Филиппов А.Н. Новые данные о Кабинете министров императрицы Анны Иоанновны // Русская мысль. 1901. Кн. I. С. 1-28.
32. Шанский Д.Н. К характеристике высших государственных учреждений России XVIII в. (20-е — 60-е годы) // Государственные учреждения России XVI–XVIII вв. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. С. 119-136.
33. Энциклопедический лексикон. Т. 14. СПб.: тип. А. Плюшара, 1838. 479 с.

REFERENCES

1. Anisimov E.V. *Ivan VI Antonovich* [Ivan VI Antonovich]. M.: Molodaya gvardiya, 2008. 350 s. (In Russian).
2. Anisimov E.V. *Rossiya bez Petra: 1725–1740* [Russia without Peter]. St. Petersburg: Lenizdat, 1994. 496 s. (In Russian).
3. Bantysh-Kamenskii D. N. *Slovar' dostopamyatnykh lyudei russkoi zemli: v 5 ch.* [Dictionary of memorable people of the Russian land: in 5 parts]. Pt. 2. St. Petersburg: tipografiya S. Selivanovskogo, 1836. VI, 422 s. (In Russian).
4. Bondarenko V.N. *Ocherki finansovoi politiki Kabineta Ministrov Anny Ioannovny* [Essays on the financial policy of the Cabinet of Ministers of Anna Ioannovna]. Moscow: pechatnya A. Snegirevoi, 1913. 390 s. (In Russian).
5. Bumagi Kabineta ministrov imperatritsy Anny Ioannovny: v 12 t. [Documents of the Cabinet of Ministers of Empress Anna Ioannovna: in 12 volumes] / A.N. Filippov (ed.). In: *Sbornik imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. Vols. 104, 106, 108, 111, 114, 117, 120, 124, 126, 130, 138, 146. Yuriev: tipografiya K. Mattisena, 1898-1902, 1904-1907, 1909, 1912, 1915. (In Russian).
6. *Vnutrennii byt Russkogo gosudarstva s 17 oktyabrya 1740 g. po 25 noyabrya 1741 g. po dokumentam, khranyashchimsya v Moskovskom arkhive Ministerstva yustitsii: v 2 kn* [Internal life of the Russian state from October 17, 1740 to November 25, 1741 according to the documents, stored in the Moscow archive of the Ministry of Justice: in 2 books]. Book 2. M.: tipografiya L.F. Snegireva, 1886. 432 s. (In Russian).
7. Eroshkin N.P. *Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdenii dorevolyutsionnoi Rossii* [The history of state institutions in pre-revolutionary Russia]. Moscow: Vysshaya Shkola, 1983. 352 s. (In Russian).
8. Kamenskii A.B. *Ot Petra I do Pavla I: Reformy v Rossii XVIII v.* [From Peter I to Paul I: Reforms in Russia in the XVIIIth century]. M.: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 1999. 575 s. (In Russian).
9. Korsakov D.A. *Artemii Petrovich Volynskii (Biograficheskii ocherk)* [Artemy Petrovich Volynsky (Biographical essay)]. In: *Drevnyaya i Novaya Rossiya* [Ancient and New Russia]. 1877. No 7. S. 214-234. (In Russian).
10. Kurukin I.V. *Anna Leopoldovna* [Anna Leopoldovna]. M.: Molodaya gvardiya, 2012. 303 s. (In Russian).
11. Kurukin I.V. *Artemii Volynskii* [Artemy Volynsky]. M.: Molodaya gvardiya, 2011. 411 s. (In Russian).
12. Kurukin I.V. *Epokha «dvorskikh bur'»: Ocherki politicheskoi istorii poslepetrovskoi Rossii, 1725–1762* [The Era of «Court Storms»: Essays on the Political History of Post-Petrine Russia]. Ryazan, 2003. 570 s. (In Russian).
13. Lystsova A.S. *Vnutripoliticheskaya deyatel'nost' grafa A.I. Ostermana v 1730–1741 gg.* [The internal political activities of Count A.I. Osterman in 1730-1741]: Dis. ... kand. ist. nauk. Yekaterinburg, 2017. 180 s. (In Russian).
14. *Opis' vysochaishim ukazam i povelenyam, khranyashchimsya v Sankt-Peterburgskom senatskom arkhive, za XVIII vek* [Inventory to the highest decrees and orders, stored in the St. Petersburg Senate Archive for the XVIIIth cent.] / sost. P. Baranov. Vol. 3. St. Petersburg: Senatskaya tipografiya, 1878. 514 p. (In Russian).
15. *Otechestvennaya istoriya: entsiklopediya: v 5 t.* [Domestic history: encyclopedia: in 5 volumes] / Ed. team: V.L. Yanin (chief ed.) et al. Vol. 1. M.: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, 1994. 688 s. (In Russian).
16. Pavlenko N.I. *Anna Ioannovna (Nemtsy pri dvore)* [Anna Ioannovna (Germans at the court)]. Moscow: AST-PRESS KNIGA, 2002. 384 s. (In Russian).

17. Petrukhintsev N.N. *Vnutrennyaya politika Anny Ioannovny (1730–1740)* [Internal policy of Anna Ioannovna]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2014. 1063 s. (In Russian).
18. Petrukhintsev N.N. *Tsarstvovanie Anny Ioannovny: formirovanie vnutripoliticheskogo kursa i sud'by armii i flota 1730–1735 g.* [The reign of Anna Ioannovna: the formation of the internal political course and the fate of the army and navy in 1730–1735]. St. Petersburg: Aleteiya, 2001. 349 s. (In Russian).
19. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe. 1649–1825 gg.: v 45 t.* [Complete collection of laws of the Russian Empire. First set. 1649–1825: in 45 volumes] / M.M. Speransky (ed.). Vols. 8–11, 44. St. Petersburg: tipografiya II Otdeleniya sobstvennoi E. I. V. kantselyarii, 1830. (In Russian).
20. *Russkii biograficheskii slovar'* [Russian biographical dictionary]. Vol. 22. / A.A. Polovtsov (ed.). St. Petersburg: tipografiya I.N. Skorokhodova, 1905. 642 p.; Vol. 25. / Ed. by Imperial Russian Historical Society. St. Petersburg: tipografiya Glavnogo upravleniya udelov, 1913. 493 s. (In Russian).
21. Savel'eva E.N. *Kabinet ministrov imperatritsy Anny Ioannovny* [Cabinet of Ministers of Empress Anna Ioannovna]: Dis. ... kand. ist. nauk. M., 2004. 189 s. (In Russian).
22. *Senatskii arkhiv* [Senate archive]. St. Petersburg: tipografiya Pravitel'stvuyushchego Senata, 1889–1890. Vol. 2. 647 p.; Vol. 3. 621 s. (In Russian).
23. Solov'ev K.A. *Graf Minikh o «pustote» v gosudarstvennom upravlenii Rossii XVIII veka* [Count Munnich about the «emptiness» in the state administration of Russia in the XVIIIth century]. In: *Gosudarstvennaya sluzhba* [Public Service]. 2021. Vol. 23. No 1. S. 79–88. (In Russian).
24. Solov'ev S.M. *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen: v 15 kn.* [History of Russia since ancient times: in 15 books] / L.V. Cherepnin (ed.). Book X. Vols. 19–20. M.: Sotsekgiz, 1963. 781 s. (In Russian).
25. Stroeve V.N. *Bironovshchina i Kabinet ministrov* [Bironovshchina and the Cabinet of Ministers]. Pt. 1. Moscow: tipografiya Imperatorskogo moskovskogo un-ta, 1909. 206 p.; Pt. 2. St. Petersburg: tipografiya Imperatorskoi akademii nauk, 1910. 77 s. (In Russian).
26. Stroeve V.N., Varypaev P.I. *Sud'ba Kabineta posle konchiny Petra Velikogo do votsareniya imperatritsy Elisavety* [The fate of the Cabinet after the death of Peter the Great before the accession of Empress Elizabeth]. In: *200-letie Kabineta Ego Imperatorskogo Velichestva* [Bicentennial of the Cabinet of His Imperial Majesty. 1704–1904]. 1704–1904. St. Petersburg: tovarishchestvo R. Golike i A. Vil'berg, 1911. S. 271–308. (In Russian).
27. Tereshchenko A.V. *Opyt obozreniya zhizni sanovnikov, upravlyavshikh inostrannymi delami v Rossii: v 3 ch.* [The experience of reviewing the life of dignitaries, who managed foreign affairs in Russia: in 3 parts]. Pt. II. St. Petersburg: tipografiya Rossiiskoi akademii, 1837. 348 s. (In Russian).
28. Filippov A.N. *A.P. Volynskii, kak kabinet-ministr* [A.P. Volynsky, as cabinet-minister]. In: *Istoricheskiy vestnik* [Historical herald]. 1901. No 5. S. 552–568. (In Russian).
29. Filippov A.N. *Kabinet ministrov i ego sravnenie s Verkhovnym tainym sovetom* [Cabinet of Ministers and its comparison with the Supreme Privy Council]. Yuriev: tipografiya K. Matisena, 1898. 45 s. (In Russian).
30. Filippov A.N. *Kabinet ministrov i Pravitel'stvuyushchii Senat v ikh vzaimnykh otnosheniyakh* [The Cabinet of Ministers and the Governing Senate in their mutual relations]. In: *Sbornik pravovedeniya i obshchestvennykh znaniy* [Collection of jurisprudence and public knowledge]. Vol. 7. M.: tovarishchestvo tipografii A.I. Mamontova, 1897. S. 1–61. (In Russian).
31. Filippov A.N. *Novye dannye o Kabinete ministrov imperatritsy Anny Ioannovny* [New data about the Cabinet of Ministers of Empress Anna Ioannovna]. In: *Russkaya mysl'* [the Russian thought]. 1901. Book I.S. 1–28. (In Russian).
32. Shanskii D.N. *K kharakteristike vysshikh gosudarstvennykh uchrezhdenii Rossii XVIII v. (20-e— 60-e gody)* [To the characteristics of the highest state institutions of Russia in the XVIII century (20s — 60s)]. In: *Gosudarstvennye uchrezhdeniya Rossii XVI–XVIII vv.* [State institutions of Russia XVI–XVIII centuries]. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1991. S. 119–136. (In Russian).
33. *Entsiklopedicheskii leksikon* [Encyclopedic lexicon]. Vol. 14. St. Petersburg: tipografiya A. Plyushara, 1838. 479 s. (In Russian).